

К выходу в свет трех томов тематического собрания сочинений В.П. Зинченко (1931–2014)

А.И. Назаров*,

Государственный университет «Дубна», Дубна, Российская Федерация,
annaz1939@yandex.ru

Б.Г. Мещеряков**,

Государственный университет «Дубна», Дубна, Российская Федерация,
borlogic1@gmail.com

А.Л. Венгер***,

Государственный университет «Дубна», Дубна, Российская Федерация,
alvenger@gmail.com

Авторы статьи делятся своими впечатлениями о содержании трех недавно опубликованных томов тематического собрания сочинений известного российского психолога, педагога и философа, первого главного редактора журнала «Культурно-историческая психология, академический журнал РАО, профессора Владимира Петровича Зинченко.

1. *Зинченко В.П.* Восприятие и визуальная культура / Редактор-составитель Н.Д. Гордеева, научные редакторы А.И. Назаров, Т.Г. Щедрина. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2017. 599 с.

2. *Зинченко В.П.* Психология предметного действия / Редактор-составитель Н.Д. Гордеева, научный редактор А.И. Назаров. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2018. 384 с.

3. *Зинченко В.П.* Психология образования / Редактор-составитель Н.Д. Гордеева, научный редактор А.И. Назаров. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2018. 382 с.

Ключевые слова: В.П. Зинченко, восприятие, действие, живое движение, визуальная культура, образование.

On the Publication of the Three-Volume Thematic Collected Writings of V.P. Zinchenko (1931–2014)

Для цитаты:

Назаров А.И., Мещеряков Б.Г., Венгер А.Л. К выходу в свет трех томов тематического собрания сочинений В.П. Зинченко (1931–2014) // Культурно-историческая психология. 2019. Т. 15. № 1. С. 129–136. doi: 10.17759/chp.2019150114

For citation:

Nazarov A.I., Meshcheryakov B.G., Venger A.L. On the Publication of the Three-Volume Thematic Collected Writings of V.P. Zinchenko (1931–2014). *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya = Cultural-historical psychology*, 2019. Vol. 15, no. 1, pp. 129–136. (In Russ., abstr. in Engl.). doi: 10.17759/chp.2019150114

* *Назаров Анатолий Иосифович*, кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии, Государственный университет «Дубна», Дубна, Российская Федерация. E-mail: annaz1939@yandex.ru

** *Мещеряков Борис Гурьевич*, доктор психологических наук, профессор кафедры психологии, Государственный университет «Дубна», Дубна, Российская Федерация. E-mail: borlogic1@gmail.com

*** *Венгер Александр Леонидович*, доктор психологических наук, профессор кафедры психологии, Государственный университет «Дубна», Дубна, Российская Федерация. E-mail: alvenger@gmail.com

Nazarov Anatoly Iosifovich, PhD in Psychology, Associate Professor, Chair of Psychology, Dubna State University, Dubna, Russia. E-mail: annaz1939@yandex.ru

Meshcheryakov Boris Guryevich, PhD in Psychology, Professor, Chair of Psychology, Dubna State University, Dubna, Russia. E-mail: borlogic1@gmail.com

Venger Aleksander Leonidovich, PhD in Psychology, Professor, Chair of Psychology, Dubna State University, Dubna, Russia. E-mail: alvenger@gmail.com

A.I. Nazarov,

Dubna State University, Dubna, Russia,
annaz1939@yandex.ru

B.G. Meshcheryakov,

Dubna State University, Dubna, Russia,
borlogic1@gmail.com

A.L. Venger,

Dubna State University, Dubna, Russia,
alvenger@gmail.com

The authors share their impressions of the contents of three recently published volumes of collected writings of Vladimir Petrovich Zinchenko (1931–2014), a well-known Russian psychologist, educator and philosopher, first editor-in-chief of the Cultural-Historical Psychology journal, member of the Russian Academy of Education.

1. Zinchenko V.P. *Vospriyatiye i vizualnaya kultura* [Perception and Visual Culture] / Compiled by N.D. Gordeyeva, Editors A.I. Nazarov, T.G. Shchedrina. Moscow, St. Petersburg, Tsentr Gumanitarnykh Initsiativ, 2017. 599 p.

2. Zinchenko V.P. *Psikhologiya predmetnogo deistviya* [Psychology of Object-Oriented Action] / Compiled by N.D. Gordeyeva, Editor A.I. Nazarov. Moscow, St. Petersburg, Tsentr Gumanitarnykh Initsiativ, 2017. 384 p.

3. Zinchenko V.P. *Psikhologiya obrazovaniya* [Psychology of Education] / Compiled by N.D. Gordeyeva, Editor A.I. Nazarov. Moscow, St. Petersburg, Tsentr Gumanitarnykh Initsiativ, 2018. 382 p.

Keywords: V.P. Zinchenko, perception, action, living movement, visual culture, education.

Собрать в том или ином тематическом сборнике (томе) представительную подборку трудов Владимира Петровича Зинченко — задача весьма сложная, если принять во внимание, с одной стороны, весь объем его печатной продукции, а с другой — эргономичные для читателя размеры тома. Из-под кипучего пера Зинченко (а новые технологии академика не вдохновляли) на протяжении почти 60 лет выходили одна за другой статьи и книги, всего — более 400 научных работ.

Этот неиссякаемый «поток сознания» удивляет не только своей мощью, но и тематическим разнообразием. Начав в середине 1950-х гг. с исследований ориентировочных движений руки и глаз, роли этих движений в развитии и функционировании зрительного восприятия, в 1990-е гг. ученый обращается к непостижимым тайнам духовного развития личности и творческой деятельности. Между этими вехами — большие циклы экспериментальных исследований памяти и мышления, инженерно-психологических и эргономических работ, философско-психологических концептуализаций сознания и бессознательного, этюды по гуманитаризации образования, серия блестящих портретных очерков значимых для него людей и т. д. Создается впечатление, что в своем творчестве В.П. Зинченко прошел все стадии интеллектуального развития, по Ж. Пиаже, и показал, что ими не исчерпываются человеческие возможности, точнее, содержание и стадии развития личности. В своих работах он доказывал, что интеллект — лишь формальная предпосылка, притом не единственная, для того, что он называл вертикалью духовного развития. Такое развитие уже не измеряется тестами интеллекта, да и вообще психометрическими инструментами. В.П. Зинченко

был согласен с М.М. Бахтиным в том, что личность может выявить себя в жесте, в слове, в поступке. Несомненно, это относится и к результатам творческой деятельности, которой занимался В.П. Зинченко. Специфика всякого собрания сочинений позволяет в одном поле зрения видеть и исследовать как предметное содержание, так и воплощенную в нем личность автора, тем более когда личность является центральной фигурой этого предметного содержания.

Представляемые в данной статье (в порядке появления) три тома тематического собрания сочинений Зинченко посвящены преимущественно психологическим и педагогическим вопросам. Им предшествовал еще один том под названием «Философское наследие», который включал «философские размышления разных лет» (Зинченко В.П. Философское наследие / Науч. ред. Т.Г. Щедрина; сост. Т.Г. Щедрина, В.Н. Порус. М.; СПб.: ЦГИ «Принт», 2016. 504 с.) и был посвящен 85-летию со дня рождения автора. Этот том издавался при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда. Три последующих тома изданы при финансовой поддержке Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».

В том «Восприятие и визуальная культура» [1] вошли работы разных лет по психологическим проблемам восприятия, развития и воспитания зрительного восприятия, не потерявшие своей актуальности и сегодня: посвященные восприятию главы из книг «Инженерная психология» (1964), «Восприятие и действие» (1967), «Формирование зрительного образа» (1969), а также статьи «Развитие зрения в контексте перспектив общего духовного развития человека», «Восприятие художественного текста» и др.

Название этого тома связывает две, казалось бы, весьма далекие друг от друга области — «восприятие» и «визуальная культура». Во всяком случае, конкретный способ их соединения под одной обложкой требует пояснений и оправданий.

В предисловии А.И. Назаров достаточно емко и подробно подытоживает содержание результатов экспериментальных исследований Зинченко, посвященных восприятию, в первую очередь зрительному. В меньшей степени в этом предисловии уделено внимание проблеме визуальной культуры и тому пути, по которому шел к ней исследователь восприятия.

Стоит отметить, что содержание этого тома отчасти пересекается с другим изданием: Зинченко В.П. «Образ и деятельность» (М.: Издательство «Институт практической психологии»; Воронеж: НПО «МОДЭК», 1997. 608 с.). Предисловие к нему написал сам Владимир Петрович. Приведем из прошлого предисловия одно высказывание, которое ясно показывает, что на пути автора к проблемам визуальной культуры немаловажную роль сыграли инженерно-психологические и эргономические запросы и требования «оборонки»: «Жизнь есть жизнь. Работа в оборонной промышленности (1959—1969) оставляла не так много сил и времени для академических исследований, но не жалею об этом, поскольку она обогатила меня новыми друзьями и коллегами, позволила посмотреть на свою науку как бы со стороны. Она выглядела не так уж плохо. Мне не приходилось стыдиться за психологию или круто менять свои взгляды и тематику исследований. Я, скорее, обогащал ее. С этим связано и название книги “Образ и деятельность”. Эти мотивы я не оставил и впоследствии, но экспериментальные исследования проводил не так энергично, как прежде. В 80-е годы я стал теоретиком поневоле, когда меня лишили лабораторий в Московском университете» (1997, с. 5—6).

О переходе в «оборонку» Зинченко упомянул в характерной для него юмористической манере и в статье о своем учителе — Александре Владимировиче Запорожце, — статье, которой завершается данный том: «Я предпочел “сыграть в ящик” — в НИИ автоматической аппаратуры, где мне предложили организовать лабораторию инженерной психологии и заняться проблемами противовоздушной обороны. А.В. Запорожец отпустил меня и искренне пожелал успеха» [1, с. 549; об этом же переходе см. в Предисловии: с. 15].

В общем, по крайней мере, в судьбе Зинченко понятие визуальной культуры сначала было востребовано в связи с задачами проектирования военной техники, а позднее — в годы работы во ВНИИТЭ¹ — и гражданской. Во многом благодаря Зинченко про-

блема «человек—техника» трансформировалась в проблему «человек—культура—техника», а затем и в проблему «человек—культура—мир». Визуальная культура как внутреннее приобретение личности есть необходимое условие «... понимания созданных человечеством способов и средств (языков) визуального общения»; она «... должна способствовать преодолению визуального хаоса либо, как минимум, помочь человеку ориентироваться в нем» [1, с. 412].

Одна из ключевых идей Зинченко, которая прослеживается во многих его публикациях, заключается в признании самого факта и огромной значимости «разнообразия способов видения мира», «способов духовного зрения», которое веками создавалось творцами визуальной культуры и которое не может быть выведено «из анатомо-физиологических особенностей телесного глаза» [1, с. 503—504]. К этим творцам Зинченко причислял прежде всего художников, но не только их. Еще в статье 1975 г. он писал: «Возникло большое число профессий, главная задача которых состоит в создании новых зрительных образов, новых визуальных форм, несущих смысловую нагрузку (например, конструкции новых машин и механизмов, визуальные средства массовой коммуникации, включая рекламу, дизайн и т. п.)» [1, с. 412—413]. В этой же статье В.П. Зинченко отмечает, что «... понятие визуальной культуры сравнительно недавно отпочковалось от общего понятия культуры, что, в свою очередь, привело к некоторому ограничению и модификации понятия «изобразительной культуры». За последним сохраняется смысл, относящийся к специальной сфере художественной деятельности» [1, с. 412].

Современная жизнь (в том числе наука, техника, искусство и т. д.) «... требуют от человека все большей и большей визуальной культуры. Эти требования скоро станут такими же, как требования к культуре речи. Визуальная культура становится существенной составной частью профессионального облика многих видов человеческой деятельности» [1, с. 409].

Отсюда со всей очевидностью следует вывод и о том, что «... визуальная культура, равно как и развитое эстетическое восприятие, в настоящее время становятся неотъемлемой частью трудового обучения и воспитания подрастающего поколения» [1, с. 412]. Точнее говоря, должны стать, поскольку с огромным сожалением Зинченко вынужден признать, что «... практическая сторона не только воспитания средствами искусства, но и перцептивного обучения оставляет желать значительно большего» [1, с. 410], в том числе из-за не преодоленного до сих пор такого противопоставления чувственного и рационального знания, при котором «... чувственное, образное

¹ В.П. Зинченко организовал и возглавлял лабораторию инженерной психологии в НИИ автоматической аппаратуры (1961—1969), затем заведовал отделом эргономики ВНИИ технической эстетики ГКНТ СССР в 1969—1984 гг. Кроме того, он был создателем и заведующим кафедры психологии труда и инженерной психологии факультета психологии МГУ имени М.В. Ломоносова (1970—1982). В Московском институте радиотехники, электроники и автоматики он создал кафедру эргономики (заведовал в 1984—2001 гг.), а в Международном университете природы, общества и человека «Дубна» (ныне: Государственный университет «Дубна») — кафедру психологии, которой руководил с 1998 по 2008 г., а позже (до 2013 г.) был ее научным руководителем. В довершение перечисленных организаторских и управленческих подвигов заслуживает упоминания тот факт, что в конце 1980-х гг. он был зам. директора Института философии РАН и руководителем Центра наук о человеке, а также «директором-организатором» Института человека РАН.

или художественное знание объявлялось близким к животному типу знания, и лишь вербальному знанию приписывалось специфически человеческое...» [1, с. 411]. Чувственное и рациональное, образное и вербально-логическое мышление надо рассматривать не как две ступени в развитии познания, а как «... два момента, пронизывающие его во всех формах и на всех ступенях развития» [1, с. 411]². Основным вектором интеллектуальных исканий и стремлений Зинченко всегда было целостное и многополярное понимание субъективного мира человека и всей культуры. Ему в равной степени было чуждо и разделение «субъективного мира человека на две противостоящие друг другу системы: систему слов и систему образов» [1, с. 411] — и другое аналогичное разделение (без понимания единства противоположностей) — на аффект и интеллект (см. последнюю статью тома [1]). Неслучайно В.П. Зинченко любил цитировать альтернативные марксистским слова М.К. Мамардашвили: «Человек начался с плача по умершему».

Как психолог, много лет посвятивший исследованиям зрительного восприятия, понимаемого как деятельность, формирующуюся в процессе индивидуального развития и обучения, Зинченко имел основания утверждать, что «... духовный глаз, законы его формирования и развития представляют собой не меньшее чудо, чем глаз телесный» [1, с. 504]. Надеемся, что в этом он точно убедит читателя.

Издание адресовано не только для профессионального психологического и философского сообщества, но и для широкого круга читателей, интересующихся проблемами экспериментальной психологии и визуальной культуры. Отметим один досадный огрех: на с. 505 не выделен заголовок целого параграфа (он трансформирован в первое предложение верхнего на странице абзаца).

Этот том (впрочем, как и все другие) снабжен списком литературы, предметным и именным указателями. Последний позволяет косвенно представить тематическую и идейную широту работ, включенных в издание. Топ самых цитируемых и упоминаемых русскоязычных авторов: А.Н. Леонтьев, А.В. Запорожец, Л.С. Выготский, Н.А. Бернштейн, И.М., Сеченов, А.А. Ухтомский, Б.Ф. Ломов, Б.Г. Ананьев, Л.М. Веккер, А.Л. Ярбус, П.Я. Гальперин, Л.А. Венгер, Д.Б. Эльконин, Ю.Б. Гиппенрейтер, М.С. Шехтер, А.Р. Лурия, М.М. Бахтин. Из зарубежных авторов чаще других встречаются Д.О. Хебб, Дж. Гибсон, Ж. Пиаже, Дж. Брунер, Дж. Сперлинг, Г. фон Гельгольц.

Помимо известных в психологии научных имен на страницах книги нередко упоминаются деятели искусства: О.Э. Мандельштам, С.М. Эйзенштейн, В.В. Кандинский, К.С. Петров-Водкин, П.Н. Филонов, К. Малевич, Леонардо да Винчи, П. Пикассо, Э. Мане, А. Матисс, К. Хокусай, У. Тёрнер, М.И. Цветаева, А.А. Ахматова, К.Г. Паустовский, К.И. Чу-

ковский, Ф.М. Достоевский, Э. Золя, А.С. Пушкин, Н.В. Гоголь, А.-З. С. (Лесь) Курбас, Л. Кэррол и т. д.

Разумеется, Зинченко часто обращается и к работам философов, в частности, таких как П.А. Флоренский, М.К. Мамардашвили, Э.В. Ильенков, Г.П. Щедровицкий, М. Мерло-Понти, А. Бергсон, Г. Гегель, И. Кант, Б. Спиноза и т. д. вплоть до Аристотеля, Платона и Демокрита.

Это лишь небольшая часть именного указателя, но она вполне оправдывает широту адресной интеллектории книги.

* * *

Творчество Зинченко прошло длинный путь от ортодоксии молодого специалиста до «мягкого» радикализма зрелого мастера. Действительно, в его ранних работах конца 50-х и 60-х гг. XX в., посвященных психологии восприятия, встречаются ссылки на «Философские тетради» В.И. Ленина (в которых есть критика «теории иероглифов» Гельгольца), на «ленинскую теорию отражения», упоминание о которой в те времена было обязательным, когда речь шла не только о восприятии, но и о психике вообще. Даже в начале 80-х гг. Зинченко соглашался с тем, что следует «...противопоставить методологическому плюрализму единую марксистскую методологию, открывающую возможность проникновения в действительную природу психики и сознания человека» [2, с. 63]. Но уже к концу 1980-х гг. изменились не только философские взгляды Зинченко (в частности, на диалектический материализм), но и его отношение к основополагающим принципам отечественной психологии советского периода. Особенно остро это ощущалось в устных беседах с ним, участниками которых мы были на протяжении многих лет. В печатных трудах Зинченко его научные и мировоззренческие метаморфозы были не так заметны, потому что он был искренне предан своим заслуженным учителям, уважал их бесценный вклад в развитие научной психологии. Может быть, поэтому удельный вес его положительных оценок этого вклада намного больше того, что приходится на долю критического анализа оставшихся нерешенными проблем психологии.

Одной из таких нерешенных проблем было соотношение между внешней и внутренней формами человеческих действий (деятельностей). В тематическом томе «Психология предметного действия» [2] этой проблеме посвящены три раздела: 1.2.3, 1.3.3 и 3.7, хотя она так или иначе затрагивается на протяжении всей книги.

Вопрос о *генезисе* (точнее, об онтогенезе) внешней и внутренней форм был теоретически и отчасти экспериментально решен вначале в трудах Л.С. Выготского, который обосновал переход от внешней деятельности к внутренней как основное направление

² Скрытое цитирование П.В. Копнина (1969), однако в предшествующей статье цитирование было эксплицитным [1, с. 406].

развития психики. В трудах известных последователей Л.С. Выготского это вполне оправданное генетическое направление долго рассматривалось как единственное в соотношении внешнего и внутреннего. Зинченко говорит об этом во многих местах данного тома. В результате соотношение превратилось в однонаправленное отношение первичного (по происхождению) ко вторичному, или материального к идеальному. Более того, не без влияния вульгарного (= диалектического) материализма действительно оригинальное и разумное решение проблемы в онтогенетическом (более широко — в культурно-историческом) плане было механически перенесено в *функциональный* план. Внутреннее действие стало пониматься как иное воплощение действия внешнего; во внутреннем нет чего-то принципиально нового по содержанию, по сравнению с внешним. На первый план выдвигалась общность строения внешних и внутренних действий [2, см. раздел 1.2.3].

Со временем, благодаря крупномасштабным работам отечественных психологов, проводившимся в контексте совершенствования обучения школьным предметам, были получены данные, согласно которым в процессе формирования новых действий (умственных и двигательных) происходят не только количественные, но и качественные изменения, причем не только во внешних действиях (они сокращаются и становятся «идеальными» по исполнению), но и во внутренних (они предельно сокращаются и «автоматизируются», разгружая сознание). Другими словами, постулат общности внешнего и внутреннего отошел на задний план под влиянием фактов их различия.

Но существование различий не отрицает наличия общего. Комплементарность того и другого позволяет отказаться от их абсолютного противопоставления. И здесь Зинченко обращается [2, с. 59] к тезису А.Н. Леонтьева о том, что во взаимоотношениях внешней и внутренней деятельности существуют переходы в обоих направлениях. Это принципиально новая позиция, в которой генетический план анализа, по Л.С. Выготскому, дополняется функциональным планом, позволяющим выяснить конкретные принципы реального, «живого», как сказал бы Зинченко, взаимодействия между внешним и внутренним планами действия. Но уж если речь идет о взаимопереходах, то подтверждением их существования могло бы служить наличие элементов внутреннего плана в плане внешнем. Решение проблемы их общности, в которой сохранены различия, «...состоит в том, чтобы обратиться к характеристикам внешней деятельности и попытаться найти в ней компоненты, традиционно относимые к деятельности внутренней» [2, с. 61].

Внешние действия независимо от их многочисленных разновидностей обязательно включают в свой состав сенсомоторику. Отсюда понятно обращение Зинченко к экспериментальному исследова-

нию двигательных действий, которое проводилось им совместно с Н.Д. Гордеевой и руководимой ею небольшой группой сотрудников факультета психологии Московского университета. Тематика и результаты этого исследования, которое продолжалось в течение 1970—2000 гг., подробно изложены в разделе 1.4. [2]³. Отличительной чертой проведенных экспериментов было применение в них методов микроструктурного и микродинамического анализа, которые ранее разрабатывались Зинченко в его исследованиях кратковременной памяти, восприятия и визуального мышления.

Выбор живого движения для поиска элементов внутреннего (идеального) плана во внешнем (физическом, материальном) плане Зинченко обосновывает двояко. С одной стороны, живому движению присущи многие свойства, которые характерны для развитой психики. С другой стороны, движение обладает генеративными свойствами, т. е. является той генетической основой, «...которая в ходе своего развития дифференцируется и трансформируется в иные формы действий, в частности, в различные формы когнитивных действий (перцептивные, мнемические, умственные) и т. д.» [2, с. 77].

В качестве экспериментальной модели живого движения Зинченко выбрал несколько разновидностей простого инструментального действия. В них была обнаружена чрезвычайно динамичная структура. Она состоит из одних и тех же «единиц», или стадий, выполнения заданного движения, но временные соотношения между ними, а иногда даже и порядок чередования оказались разными в зависимости от конкретных условий постановки двигательной задачи. Н.А. Бернштейн говорил о решающей роли ведущего уровня в построении движений, отвечающего за распределение функций между фоновыми уровнями регуляции. Но оказалось, что и в самом ведущем уровне происходит такое распределение функций между его составными частями, которое адекватно для разных условий. Оно происходит не только до начала, но и во время исполнения движения. Раньше это было очевидно для движений, выполняемых с комфортной или медленной скоростью. Парадокс, однако, заключался в том, что существенные пространственно-временные свойства сенсомоторной динамики наиболее отчетливо проявились в быстрых движениях, выполняемых в миллисекундном диапазоне (до 1 с). По мнению большинства зарубежных специалистов, такие движения осуществляются в открытом контуре и программируются во время латентной стадии. В экспериментах же Зинченко было показано, что и медленные, и быстрые движения имеют топологически одинаковую волновую структуру, и из чередования этих волн складывается непрерывная динамика движения. Популярный в те времена спор зарубежных психологов о дискретной либо непрерывной регуляции движений разрешился в пред-

³ В примечании к этому разделу сообщается: «Публикуется впервые. В 2014 г. авторы — Гордеева Н.Д. и Зинченко В.П. — предполагали издать эту работу в качестве учебного пособия для студентов факультета психологии ВШЭ» [2, с. 117].

ложенной Зинченко модели квантово-волновой сенсомоторной динамики [2, раздел 1.4.10], одинаково приложимой как к медленным, так и быстрым движениям. Существенным отличием этой модели от остальных (за исключением бернштейновской), которые подробно рассмотрены в разделе 1.4.4, состоит в том, что именно разные соотношения, характер взаимодействия между структурными единицами и их оперативный состав определяют особенность конкретного движения.

Зинченко полагал, что в основе квантово-волновой природы двигательного действия лежат два его свойства: чувствительность и рефлексивность. Под чувствительностью он понимал интенсивность обращенности (ориентации) движения либо к внешней ситуации, либо к его внутренней картине. Квантовый характер движения обусловлен сменой ориентиров в ходе исполнения (сам автор предпочитал говорить об этом как о смене форм чувствительности). Непрерывность исполнения обеспечивается мгновенными переходами от одних ориентиров к другим. В свою очередь, такие переходы находятся под контролем *фоновой рефлексии*, благодаря которой у действующего субъекта постоянно удерживается целостный смысл решаемой двигательной задачи.

Понятие фоновой рефлексии Зинченко детально не рассматривал, хотя он подробно останавливался на исторических предпосылках включения его в состав предложенной им модели двигательного действия [2, раздел 3.4]. Отличительной чертой фоновой рефлексии является то, что ее разрешающая способность находится в миллисекундном диапазоне, тогда как рефлексия более высоких рангов (в терминах В.А. Лефевра) является свойством сознания, функционирующего в гораздо более медленном диапазоне. Поэтому Зинченко считал фоновую рефлексию простейшей и генетически первой формой той рефлексии, которая характерна для сложных видов деятельности. Здесь напрашивается аналогия с понятиями натуральной (первичной) и высшей (вторичной) психической функции в культурно-исторической теории Л.С. Выготского. Но можно предложить другую, обратную альтернативу: фоновая рефлексия есть вторичный продукт развития и автоматизации рефлексии, которая возникает на той стадии онтогенеза, когда необходимым становится «действие с действием» (А.В. Запорожец), т. е. действие в уме (внутренняя форма), контролирующее действие с предметом (внешняя форма). В этом случае фоновая рефлексия проходит обычный путь сокращения и автоматизации «двухактного» действия, внутренняя форма которого на заключительном этапе формирования предельно свернута во времени.

Живое движение — частный случай предметных действий, которые независимо от их разновидности имеют внешнюю и внутреннюю форму. Зинченко впервые превратил в предмет научного исследования тот *очевидный* факт, что в реальном действии, независимо от его категориальной принадлежности (теоретическое, практическое, умственное или дви-

гательное), внешняя и внутренняя формы всегда присутствуют *одновременно*, и вопрос о первичности здесь неуместен. Мы усваиваем нечто заданное извне новое, уже имея некоторый внутренний опыт действий с элементами, которые входят в состав этого нового, а выполняя уже освоенное действие, мы адаптируем (сознательно или неосознанно) его к требованиям конкретной задачи и текущей ситуации. То есть внутреннее и внешнее есть как на стадии интериоризации (усвоения с привлечением имеющегося опыта), так и на стадии экстериоризации (исполнения на основе имеющегося опыта с учетом требований текущей ситуации). Важно, что внутренняя и внешняя формы существуют не сами по себе и не как абстракции. Интериоризация модифицирует внутреннюю форму, создавая в имеющемся опыте индивида качественные или количественные *новообразования*, и одновременно формирует для механизмов экстериоризации новые требования, обусловленные текущей ситуацией; с другой стороны, экстериоризация позволяет скорректировать и дополнить внутреннюю форму (например, образ движения) тем опытом, который только ею и может быть создан (вспомним бернштейновское «движение, как оно выглядит изнутри», часто цитируемое Зинченко).

Понятия внешней и внутренней формы Зинченко заимствовал у более ранних авторов [2, см. раздел 3.7], которые в основном подчеркивали различия между ними, хотя и не отрицали возможности их взаимопереходов в виде выражения внутреннего во внешнем, единства аффекта и интеллекта, олицетворения и т. п. Но Зинченко, богато цитируя классиков, вложил в эти понятия иной смысл, дополнив его поэтическую и философскую интерпретацию конкретным психологическим содержанием, обнаруженным в ходе экспериментальных исследований. Поэтому, хотя речь идет о *формах* действия (внешних и внутренних), с ними неразрывно связаны и соответствующие *содержания*. Одна из задач будущих исследований человеческой деятельности — определить операциональный состав тех содержаний, которые закодированы во внешней и внутренней формах.

* * *

В третьем из рассматриваемых томов «Психология образования», собраны работы В.П. Зинченко, посвященные чрезвычайно широкому кругу проблем. Это и самые общие теоретические вопросы, такие как анализ природы детства и образования, и частные, иногда узко практические — например, специфика, возможности и ограничения дистантных форм образования. Однако даже при рассмотрении этих частных вопросов Зинченко сохраняет взгляд на проблему в целом, не только психолого-педагогический, но и философский. Он стремится удержать каждую проблему в ее отношении к жизни и миру в целом.

Центральными понятиями для него выступают самые общие и трудно определимые: смысл, семиос-

фера, душа, дух, свобода. В отличие от большинства своих коллег, особенно американских, увлеченных анализом, разъятием единого на части, Владимир Петрович отдает предпочтение синтезу. В каждой частности он видит отражение общих закономерностей, дыхание жизни. Отсюда столь частым у него становится эпитет «живой»: живая мысль, живой образ, живое движение, слово.

Противопоставление живого и омертвевшего, иногда в явной, а чаще в скрытой форме проходит через все тексты, представленные в сборнике. И, конечно, прежде всего оно относится к взгляду на человека. Для Зинченко неприемлем подход, при котором человек становится объектом технологических манипуляций. Человека нельзя проектировать. И, следовательно, недопустимы ни ницшеанский проект, ни близкие к нему по духу проекты воспитания «нового человека», «коммунистического человека» и т. п. Тут Владимир Петрович вступает в полемику не только с философскими и политическими конструктами, но и с предлагаемым Г.П. Щедровицким проектированием воспитания, формирования личности. Личность нельзя сформировать извне. Становление личности — это процесс ее саморазвития в ходе взаимодействия с окружающими: родителями, педагогами, обществом в целом. Причем при правильно выстроенном взаимодействии развивается не только ребенок («воспитуемый») но и воспитатель. Такое взаимодействие — это не толчок, определяющий движение в некотором заранее заданном направлении, а, скорее, питательная почва, позволяющая развиваться индивидуальности каждого ребенка. Здесь важно сделать небольшое отступление. Приведенный образ часто используется натуристами, видящими источник индивидуальности в биологических заданных (генетических) особенностях ребенка. Для Зинченко же этим источником являются именно взаимодействия ребенка с окружающими во всей их неповторимой уникальности.

Представление о том, что решающую роль в психическом развитии играет взаимодействие, совместная (совокупная, по Д.Б. Эльконину) деятельность ребенка с окружающими, вытекает из общего понимания Владимиром Петровичем сущности психики. Он отказывается от ее локализации в мозгу или шире — в нервной системе. Вслед за философом М. Бубером, он помещает психику в пространство *между* людьми. Другими словами, человеческая психика представляет собой не только индивидуальный, но и коллективный феномен. Это положение, общее для идущей от Л.С. Выготского культурно-исторической психологии, Владимир Петрович отстаивает с особой убежденностью.

В своих текстах Зинченко опирается на широчайший эмпирический и теоретический материал. Наряду с психологами, а то и чаще, он цитирует философов, лингвистов и, особенно, поэтов. Он иллюстрирует свои мысли стихами О. Мандельштама, И. Бродского, Н. Гумилева, М. Цветаевой, М. Волошина, Т. Элиота, Р.М. Рильке, Р. Фроста. Ссылается

на писателей Ф. Достоевского, А. Чехова, Л. Гроссмана, Ф. Искандера, А. Платонова, Вен. Ерофеева, режиссеров В. Мейерхольда, А. Таирова, Л. Курбаса, на художника К. Петрова-Водкина. Это не случайность и не каприз автора. Как объясняет сам Зинченко, искусство воспроизводит мир в его целостности, тогда как наука склонна дробить его на осколки.

Владимир Петрович — один из самых ярких представителей культурно-исторической психологии и, разумеется, наибольшее внимание он уделяет своим соратникам по научной школе: ее основателю Л.С. Выготскому, своему учителю А.В. Запорожцу, А.Н. Леонтьеву, Д.Б. Эльконину, В.В. Давыдову, М.И. Лисиной. Это не мешает ему признавать и включать в свои рассуждения достижения психологов, относящихся к совершенно другим направлениям: Ж. Пиаже, Э. Фрейда, М. Вертгеймера, Ж. Лакана, Э. Эриксона, Д. Винникота и многих других. Близкие себе мысли он находит и у представителей других наук: М. Бахтина, Н. Бернштейна, А. Ухтомского, В. Гумбольдта, Л. Леви-Брюля. Из философов ему особенно близки Г. Шпет, М. Мамардашвили, М. Бубер, А. Лосев. Важные для себя идеи он обнаруживает и у религиозных деятелей: бл. Августина, П. Флоренского.

Столь основательная общекультурная база позволяет В.П. Зинченко не просто следовать за основными положениями культурно-исторической психологии, а расширять и обогащать их. Он дополняет своих коллег и учителей, подчас бескомпромиссно спорит с ними. Так, он видит недостаток теории развивающего обучения Эльконина—Давыдова в недооценке значимости эмпирического мышления, практического интеллекта и, соответственно, переоценке значения теоретического мышления. На его взгляд, необходим баланс между этими видами мышления. Иначе есть опасность построения абстрактных схем, не соответствующих реальности и «насилующих» эту реальность. Именно такова, по его мнению, природа некоторых социальных экспериментов — в частности, опирающихся на марксистскую теорию. Концепцию развивающего обучения, которая в целом ему близка, он критикует также за недооценку роли эстетического образования. Вообще же, он подчеркивает, что обязательно должна развиваться сама теория развивающего обучения. В противном случае она перестанет быть таковой.

Отзываясь на конкретные практически значимые вопросы, Зинченко решает их, оставаясь на тех же позициях, что и в своих теоретических работах. Так, анализируя возможности дистантного обучения, он основывается на своей излюбленной мысли о значимости непосредственного живого общения между учителем и учеником. А следовательно, дистантное обучение должно включать какие-то средства, замещающие такое общение. Однако и с помощью таких средств оно не может быть замещено полностью, поэтому дистантное обучение неизбежно останется лишь одной из вспомогательных форм. Для некоторых же видов обучения — в частности, для обучения психологов — оно вообще непригодно.

Применительно к психологическому образованию Владимир Петрович подчеркивает двойственный характер самой психологии — ее отнесенность как к естественным, так и к гуманитарным наукам. Значит, психологические факультеты должны быть оснащены лабораториями, которые позволили бы студентам проводить научные исследования. В настоящее время таких лабораторий почти нигде нет. Нет и сколько-нибудь разработанной концепции построения психологического образования, отсутствуют достаточно полные и качественные учебники.

В образовании в целом, по мнению Зинченко, не уделяется должного внимания развитию визуального мышления и эстетическому воспитанию. Как отмечалось выше, эту претензию он предъявляет также

и системе развивающего образования Эльконина—Давыдова.

Тексты В.П. Зинченко настолько метафоричны и включают так много стихотворных отрывков из разных авторов, что сами воспринимаются почти как художественные произведения. Благодаря этому возникает кажущаяся легкость их восприятия. Однако эта легкость обманчива. Содержащиеся в них мысли глубоки и нетривиальны. Чтобы их понять, требуется сотрудничество читателя с автором. Владимир Петрович часто ограничивается намеками, делится набросками идей, предоставляя нам самим труд по их домысливанию и проработке. Впрочем, такого сотворчества требуют и художественные произведения, так что отмеченное сходство имеет серьезные основания.